

Ночной дождь падал на чужую землю, издавая при этом привычное «кап-кап». Фань Сянь отхлебнул чая и сказал Ван Циняню:

— Иди и немедленно напиши тайное письмо, попроси Палату проверить связи между семьёй Цуй и Синьяном.

Ван Цинянь взглянул на него и тихо ответил:

— Старшая принцесса не могла ничего предпринять.

— Я и так знаю, что не могла. — Фань Сянь понимал, что старшая принцесса фактически всегда действовала с молчаливого согласия императора. Однако сегодняшняя встреча с Шэнь Чжуном, закончившаяся ссорой, укрепила Фань Сяня в некоей мысли: — Я просто хочу выяснить, каким в действительности влиянием обладает старшая принцесса при дворе.

— Слушаюсь. — Ответив, Ван Цинянь продолжил: — Молодой господин Цуй всё ещё стоит на коленях снаружи. Господин, как вы думаете, может, позволить ему встать? Всё-таки семья Цуй — известная семья в столице, в их роду немало высокопоставленных придворных.

Фань Сянь вглядывался в доставленное из Палаты донесение и проигнорировал слова Ван Циняня. В эти дни, пока посольство находилось в столице Северной Ци, до возвращения Янь Бинъюня Фань Сянь не осмеливался использовать систему передачи сведений в Северной Ци, поэтому источники разведанных были скудны, что очень его раздражало. Через некоторое время он, казалось, понял, что сказал Ван Цинянь, и тихо ответил:

— Пусть постоит на коленях. Он подданный государства Цин, но стал разменной монетой для Северной Ци. Я, считай, вместо моей тёщи повоспитываю его немного.

Дождь постепенно утих, лишь с карнизов ещё капало. Это поместье было построено очень давно, поэтому там, где стекала вода с крыш, образовались небольшие выемки. Фань Сянь, накинув верхнее платье, вышел из дома, увидел молодого господина Цуя, стоящего на коленях перед каменными ступенями, и долгое время молчал.

Другие сотрудники посольства уже давно избегали этого маленького дворика, поэтому здесь казалось особенно тихо.

— Ты должен хорошо понимать, что ты должен делать, если твоя семья всё ещё хочет вести бизнес на севере. — Фань Сянь равнодушно посмотрел на промокшего насквозь молодого господина Цуя. — Сегодня я пока пощажу твою жизнь и сам напишу письмо в Синьян. Что же до того, как накажет тебя старшая принцесса, это ваше дело, но, пока я здесь, я не хочу снова видеть тебя за одним столом с людьми из Северной Ци.

Молодой господин Цуй тяжело склонился до земли, обмакнувшись верхней частью тела в покрывающую землю лужу, дрожа и не осмеливаясь заговорить.

— Я ещё раз напоминаю, что я являюсь преемником главы Контрольной палаты. Пусть даже старшая принцесса защитит тебя, но, если я действительно захочу устроить неприятности семье Цуй, у меня будет ещё много способов это сделать, — сказал Фань Сянь. — Хотя это очень грубая угроза, но я думаю, что, если такому глупцу, как ты, не объяснить как следует, люди Северной Ци в будущем всё равно будут использовать тебя в качестве ножа, что было бы очень плохо.

Молодой господин Цуй всё ещё грустно стоял на коленях. На заднем дворе «Паньшаньлинь» он тогда прозрел и осознал, насколько большую ошибку совершил. Даже если не принимать во внимание пугающее всех положение Фань Сяня в Контрольной палате, а лишь учитывать его статус зятя старшей принцессы, в глазах Фань Сяня сам он был не больше букашки. Сегодня он взял дело в свои руки, желая посмотреть, какую именно сделку Контрольная палата хочет заключить с Северной Ци. Изначально он смотрел на этот вопрос с точки зрения старшей принцессы, но, если Фань Сянь действительно решит разобраться с ним, старшая принцесса, пожалуй, поленится защитить его.

Судя по нынешним возможностям Фань Сяня, он действительно может смотреть свысока на любую высокородную семью.

— Объясняю популярно. — Фань Сянь посмотрел на него и произнёс чётко и ясно: — Ты работаешь на старшую принцессу, поэтому я, естественно, не стану усложнять тебе жизнь. Но сейчас я хочу кое-что сделать, поэтому надеюсь, что ты ясно представляешь нынешнюю ситуацию.

— Да, господин Фань, — ответил молодой господин Цуй дрожащим голосом. — Я признаю свою ошибку.

— Мы все подданные государства Цин, и независимо от того, что происходит внутри страны, как только мы выезжаем за границу, мы должны помнить, что мы с вами оба из Цин. Не позволяйте иностранцам смеяться над вами, меня это больше всего злит.

В результате этих событий Синьян осторожно поддержал уважительное отношение к дипломатической миссии, а Северная Ци по-настоящему почувствовала силу Фань Сяня — или, точнее сказать, силу Контрольной палаты Южной Цин. Шэнь Чжун всегда имел дело с Синьяном, поэтому, когда Фань Сянь через хоу Чаннина предложил сделку, он не придавал этому значения. Но в нынешней ситуации, кажется, слухи говорят правду: если Фань Сянь в будущем году действительно получит в свои руки внутреннюю сокровищницу, старшая принцесса лишится власти, а контрразведка под руководством Шэнь Чжуна ещё и обидела Фань Сяня, это действительно перекрыло бы ей важный путь к обогащению.

Во дворце Северной Ци тоже узнали об этом, и вдовствующая императрица очень строго потребовала у Шэнь Чжун объяснений. Шэнь Чжун был вне себя от страха и думал, что никто не ожидал, что преемник Фань даже не даст ему возможности поторговаться. К тому же новости о том, что молодой господин Цуй отправился в посольство и всю ночь простоял там на коленях, также достигли слуха Стражи в парчовых одеждах, и Шэнь Чжун понимал, что ему придётся заново обхаживать Фань Сяня.

И вообще никто не представлял, что Фань Сянь изначально не собирался обсуждать эту сделку. Несколько раз подряд Шэнь Чжун посылал людей с приглашениями для Фань Сяня, но тот каждый раз с большой холодностью отказывал, показывая, что больше не хочет ничего обсуждать.

— Господин, что вы собираетесь делать? — Ван Цинянь был самым приближённым из доверенных людей Фань Сяня. Многие из того, что не знала даже Контрольная палата, Ван Цинянь знал очень хорошо. Он знал, что его начальник предпринимал тайные действия против Синьяна, но старшая принцесса, кажется, пока этого не замечала.

Но сейчас Фань Сянь вёл себя так, будто хотел помириться с ней, и это озадачивало Ван Циняня.

— Я хочу, чтобы никто не знал, что я хочу сделать. — Фань Сянь поправил одежду, но не обернулся, а просто тихо продолжил: — Старшая принцесса сейчас хочет чего-то от меня, поэтому я, естественно, должен воспользоваться случаем и получить некоторую выгоду.

Ван Цинянь всё ещё был озадачен, но Фань Сянь больше не стал объяснять.

В тот день после обеда через боковые ворота прямо во двор посольства въехала повозка. Выглядела она очень бедно и заурядно: ни в её отделке, ни во внешности возницы не было ничего необычного. Однако все, кто отвечал за охрану посольства, отчётливо почувствовали напряжение среди посланников. Снаружи смутно маячили тени Стражи в парчовых одеждах Северной Ци.

Глядя на повозку, Фань Сянь произнёс что-то, не имевшее, казалось, отношения к происходящему:

— Видимо, Сы Лили тоже добралась до столицы.

Молодой человек в белом лёгком халате распахнул дверцы, медленно сделал несколько шагов, постоял, посмотрел в небо над головой, слегка прищурился, затем опустил голову и оглядел весь двор и смотрящих на него людей — здесь он с лёгкостью ощутил атмосферу родной земли, и на его губах появилась еле заметная улыбка.

Фань Сянь вышел вперёд, с величайшим почтением поддержал Янь Бинъюня под здоровую правую руку, осторожно помог ему выйти из повозки и тихо сказал:

— Добро пожаловать домой.

Для жителей государства Цин место расположения посольства уже стало родным. За год, который Янь Бинъюнь пробыл в заключении, он уже давно стал думать о смерти. Хотя он до сих пор не мог принять соглашение об обмене себя на Сяо Эня, он всё равно невольно был тронут, когда ступил на территорию посольства и услышал господина Фаня, приветствующего его дома.

В маленьком дворике не было никаких чиновников из Приказа придворного этикета — за исключением семи Тигровых стражей, все они были служащими Контрольной палаты, скрывающимися среди послов. При виде этого с трудом передвигающегося молодого человека они дружно поклонились и воскликнули:

— Приветствуем господина Яня!

Голоса не были ни патетическими, ни громкими, однако в них можно было почувствовать общую искренность.

Янь Бинъюнь улыбнулся, но ничего не ответил, а просто тихо сказал:

— Я очень удивлён, что смог выбраться живым.

Фань Сянь, поддерживая его под руку, тоже улыбнулся:

— Я очень удивлён, что вам не все ногти вырвали.

Будущие глава Контрольной палаты и его заместитель говорили так тихо, что больше никто их не слышал.

С возвращением Янь Бинъюня в посольство половина задач Фань Сяня в этой поездке в Северную Ци была решена, и он почувствовал себя гораздо спокойнее. Сказав несколько слов Ван Циняню, Фань Сянь, поддерживая Янь Бинъюня, провёл его во внутренние комнаты, а затем сказал:

— Раздевайся. Я ничего такого не имею в виду.

Очевидно, что люди вроде Янь Бинъюня ничего не поймут неправильно. Он медленно распахнул свои белые одежды, обнажая крепкое и стройное тело. Фань Сянь поднял брови, вспомнив о том, как он сам чувствовал себя, переодеваясь в третьем отделе в столице, и понял, что собеседник гораздо хладнокровнее его.

Он достал из сундука коробку с лекарствами, взял несколько и начал равномерно намазывать их на кожу Янь Бинъюня. К чему бы ни прикасались его пальцы, везде были бугры и впадины: шрамы были настолько ужасны, что невозможно описать.

— Я всегда думал, что ты просто очень удачливый, — без выражения заговорил Янь Бинъюнь.
— Но при виде моих ран господин преемник Фань остался так невозмутим — кажется, ты намного крепче, чем я думал.

Пальцы Фань Сяня остановились под левой грудью Янь Бинъюня. Кости там явно были сломаны и снова срослись, огромная выпуклость была затянута ярко-розовой молодой кожей, что выглядело очень уродливо.

— Это потому, что ты не представляешь себе мой опыт взросления.

— Думаю, я очень хорошо представляю. — Янь Бинъюнь холодно посмотрел ему в глаза. — Господин Фань, я очень хорошо представляю себе вашу жизнь от рождения до двенадцати лет.

Фань Сянь слегка наклонил голову, молча глядя на собеседника.

Янь Бинъюнь тоже замолчал, как будто не желая обсуждать этот вопрос. Через некоторое время он сказал:

— Благодарю, господин Фань, за лечение моих ран, но я хочу сам приготовить лекарство. У меня в этом немного больший опыт, чем у вас. Пожалуйста, позвольте мне теперь записать рецепт и отправить людей из посольства за лекарством для меня.

Фань Сянь проигнорировал его и продолжил тщательно наносить лекарство, одновременно дополняя его методами лечения, изученными с детства.

— Съешь. — Фань Сянь бесцеремонно засунул пилюлю в рот Янь Бинъюню и холодно сказал: — Когда речь идёт о лечении ран и противоядиях, в этом мире никто, кроме Фэй Цзе, не смеет раскрывать передо мной рот.